

такъ выразиться, въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ про леченіе *несчастіемъ* (Unglücksur), про леченіе *волею...*

Обрѣтая себя этическа на склонѣ лѣть, гр. Толстой могъ бы, конечно, только сказать: «лучше поздно, чѣмъ никогда»... Но запоздалость эта послужила для него, какъ и для Гоголя, источникомъ любопытнаго явленія, свойственаго, кажется, только славянской натурѣ: въ немъ явилась непреоборимая потребность *искупленія, самобичеванія...* почти мученичества, мистическая сила и суровость которыхъ возрастили пропорціонально степени раскаянія, (въ данномъ случаѣ — въ неупотреблении или въ неподобающемъ употреблении дарованныхъ имъ «на благо людей» духовныхъ силъ, — таланта). Пропорціонально силѣ этого раскаянія увеличивается у гр. Толстого и безпощадность отрицанія,—но отрицанія, опять таки, въ его истинномъ значеніи, чисто личного, направленного лишь противъ своего прежняго исключительно «эстетического» служенія искусству, «баловства»... А между тѣмъ это чисто личное, субъективное отрицаніе *pro domo suo*, отрицаніе прежней своей жизни, прежняго своего способа служенія искусству, какимъ-то образомъ получило у гр. Толстого характеръ обобщеннаго, огульного отрицанія и *всякаго* искусства, какъ «баловства», и всякой науки и культуры, и всей жизни современного цивилизованного человѣческаго общества! Какъ могло случиться это? Въ данномъ случаѣ какъ бы нашла себѣ примѣненіе пословица: *разсердясь на вишай, да шубу вѣ печь...* Въ «Исповѣди» гр. Толстой вѣрно замѣтилъ, что онъ «заблудился не столько отъ того, что мыслилъ неправильно, сколько отъ того, что *жилъ* неправильно», что онъ, далѣе, (XII т.), потому, «развратился и сбился съ пути, что больше всѣхъ служилъ и потворствовалъ ложному ученію нашего мира (переводи: исключительности эстетического взрѣнія на жизнь и та-